

to express their thoughts, wishes, feelings.

The Communicative Method of Teaching, also known as Communicative Language Teaching (CLT), started its rise to prominence during the 1970s and 80s. The aim of the Communicative Approach is to provide students with real life communication lessons that mimic the natural progression of language learning [1, p.85]. The idea is to make the target language more relevant to real world situations rather than the classroom.

Classroom activities used in CLT can be of various types, still of communicative nature: role play, interviewing, information gap, games, language exchanges, surveys, pair work, learning by teaching [2].

“Find someone who...” is one of the most favourite activities that can be arranged at all stages of studies. It can be used while learning both grammar and vocabulary. It helps to have students out of their seats and interact with one another. Students should find people in the class who confirm the descriptions. “Find the person who: can sing, dance, play the piano, etc.” is a task suitable for elementary level students.

“Question – and – answer” model can be used when treating the topic about profession and future career with high school students.

“A minute talk” is another popular type of activity that leads to communication. The task is for the students to speak continuously during the designated time interval of one minute on the suggested situation or problem. Then the group answer comprehension questions and as a variation of the task they are involved into a simple discussion.

“Matching sentences” could be used while learning grammar. For the purpose, sentences that illustrate the use of the grammar phenomenon under the study are cut into pieces and mixed up. Every student gets one piece. The task is through questioning the classmates to find those who have other parts of the sentences. Then the sentences are checked and used for communication purposes.

“Tell me” is the activity which can help students become more active in speaking. The task is very flexible and can be used for groups of various types and sizes. Cards with different words are prepared and attached to the backs of the students so that they can see only the cards on the others’ backs. The task is to gather as much information as possible to guess what word is written in a specified card.

All these activities motivate students to speak, they become active users of the language. They are not restrained by the fear of making mistakes, they are not afraid of speaking as fluency becomes more important than the accuracy. For the communicative purposes CLT is more appropriate than any other methods as it involves students into language learning process through acting and speaking.

There are also difficulties that must be taken into consideration. It is not always possible to control if students speak only English while working. Sometimes it is easier and faster for them to use their native language to get the necessary information. Another problem is accuracy. Though fluency is important, accuracy is also a prerequisite to developing communicative skills. They are also the subject for control at State Exams.

It is difficult to answer the question which approach to teaching is the best. In fact it is impossible to say that one approach is better than the other. It depends on many factors. The task that one group of students find interesting can be boring for the other group. There might also be restrictions in the ways of how a certain approach is applied like students’ age, level of language proficiency, motivation, previous learning experience, interests.

The main requirement for the teaching system is its focus on teaching the language as a means of communication and gaining new knowledge.

References

1. Spratt M., Pulverness A., Williams M. The TKT Course. Modules 1, 2 and 3, 2nd edition, Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 256 p.
2. The Communicative Approach of Teaching English // Blog About ESL, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://blog.about-esl.com/communicative-approach-teaching-english/> (дата обращения 10.10.2017).

УДК 821.112.2

Е.М. Шастина

Казанский федеральный университет, г. Елабуга, Россия

ТВОРЧЕСТВО ЭЛИАСА КАНЕТТИ В РУССКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СХОДСТВА РУССКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Аннотация. Рассматривается творчество австрийского писателя Элиаса Канетти в контексте русской литературы. Намечаются типологические и контактные связи между творчеством Канетти и представителями русской литературы первой половины XX века, ставится проблема рецепции инокультурного текста.

Ключевые слова: Канетти, австрийская литература, русская литература, рецепция.

E.M. Shastina

Kazan Federal University, Elabuga, Russia

THE WORK OF ELIAS CANETTI IN THE RUSSIAN PERSPECTIVE: ON TO THE PROBLEM OF TYPOLOGICAL SIMILARITY BETWEEN RUSSIAN AND AUSTRIAN LITERATURE

Abstract. The work of the Austrian writer Elias Canetti is considered in the context of Russian literature. There are typological and contact links between Canetti's work and representatives of Russian literature of the first half of the 20th century, the issue problem of reception of foreign culture text is identified.

Key words: Canetti, Austrian literature, Russian literature, reception.

Настоящая статья является своеобразным подведением итогов работы автора над темой «Канетти и Россия». Компаративистский подход применительно к творчеству австрийского писателя Элиаса Канетти (1905-1994) представляется актуальным и перспективным. Разговор о взаимовлиянии двух или нескольких культур относится к разряду вечных, литературоведы спорят по этому поводу не одно десятилетие, создаются целые направления, изучающие механизмы рецепции инокультурного текста представителями разных культур. Как известно, любое заимствование предполагает «встречную среду», которая объединяет исторические, литературные и, в целом, культурные традиции [1, с. 506]. Важно помнить, что литературный текст изучаемого автора «становится фактором других литератур», поскольку «включается в развитие этих литератур» наряду с «продуктами национального творчества» [4, с. 14]. Если принять за основу, что мировой литературный процесс насквозь интертекстуален, то практически в каждой культуре можно отыскать на фоне «чужого» нечто, что в определенной степени может быть соотнесено со «своим». Русская и австрийская литература в данном споре не является исключением. «Духовный опыт обеих культур – русской и австрийской – обнаруживает явные признаки сходства на рубеже веков», обе, по мнению А.И. Жеребина, «питаются острым предчувствием надвигающей гибели» [2, с. 6]. Очевидно, что русская и австрийская литературы могут сравниваться друг с другом с целью выявления типологических связей в творчестве ее представителей, что позволяет обнаружить определенные закономерности в развитии литературы в более широком контексте. По мнению А.В. Михайлова, «для всякой иной европейской культуры, даже самой древней и зрелой, австрийская культура в течение долгого времени оставалась обманчиво-своим, на деле же – чужим и непонятым, и до нее надо было дорасти» [6, с. 9], поэтому «вникать в австрийскую литературу – значить узнавать свое и подобное своему – в пределах единства всей человеческой культуры» [6, с. 11] (курсив А.В. Михайлова).

Краткий экскурс в историю вопроса позволяет выявить типологические и контактные связи между творчеством Канетти и представителями русской литературы. Знакомство Канетти с русской литературой пришлось на венский период (1924-1938 гг.), тогда австрийская столица представляла собой интеллектуальный центр Европы, русская классика, наряду с англоязычной и французской литературой, была доступна читателю в переводах на немецкий язык. Рецепцию русской классической литературы в творчестве Канетти можно проследить на различных уровнях – от прямого высказывания в автобиографической прозе, например, о Н.В. Гоголе, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, И. Бабеле [5;12;13] до рецепции их поэтики на страницах произведений, что свидетельствует о типологическом сходстве русской и австрийской литератур [7].

Гоголь стал для Канетти в период создания романа «Ослепление» („Die Blendung“) учителем, у которого была позаимствована «свобода вымысла» (Freiheit der Erfindung) при создании гротескных фигур [12, S. 344], когда смешное и ужасное сосуществуют. Канетти называет Гоголя «мой великий русский» [13, S. 204] (курсив здесь и далее Канетти).

В эссе «Толстой, последний родоначальник» (1971) Канетти пишет: «Я не знаю ничего более захватывающего, чем жизнь этого человека. Что же меня в ней так покоряет, почему я уже десять дней не могу от нее освободиться?», на который сам же и отвечает: «Это полноценная жизнь, до последнего мгновенья, до смерти в ней есть все, что должно быть в жизни человека» [5, с. 100]. Канетти высоко ценит гражданскую позицию Толстого, когда в письмах к жене он «полностью

включает в свое бытие Русско-турецкую войну 1877-1878 годов: «Пока война. Ничего не смогу писать, так же, как если пожар в городе, то нельзя ни за что взяться, и все тянет туда» [5, с. 97]. На примере судьбы русского писателя Канетти постулирует свои взгляды на власть, смерть, религию.

В автобиографии и заметках Канетти пишет о Достоевском: «Можешь ли ты придумать лучший способ узнать человека, чем, если обсуждать с ним все, что встречается у Достоевского?» [13, S. 163]. Вырванная из контекста, она становится афоризмом, в котором заключена наивысшая похвала «пророку подполья» [5, с. 340], для Канетти Достоевский является художником, «чье искусство – в бес дистанционности» [5, с. 347].

Для исследователя всегда интересна попытка «контекстного анализа», реконструирующего общую систему художественного мышления авторов, чьи «судьбы не скрещиваются» в реальном времени, но характеризуются некой общностью в «большом времени» [3, с. 8]. Руководствуясь данным принципом, автор статьи попытался сблизить через жанровое своеобразие малой прозы Канетти и В.В. Розанова. «Опавшие листья» Розанова и «Заметки» Канетти сближает, с одной стороны, спонтанность и тематическая целостность, с другой стороны, они наполнены языковыми парадоксами, что свидетельствует об особом характере образности авторского стиля, при этом оба автора как протеческие личности профетически предчувствовали «новое время».

Особого разговора заслуживает знакомство Канетти с Исааком Бабелем, состоявшееся в Берлине 1928 года [10]. Бабель навсегда остался в памяти Канетти как часть «берлинской толчеи», в которую он явно не вписывался. До конца жизни Канетти сохранил интерес к Бабелю. Исследование «берлинского текста» как продукта рецепции представляется перспективным. Берлин Набокова и Канетти – тема отдельного разговора [9]. Немецкая столица предстает в виде пространства, где реальность, становясь предельно субъективной, открывает новый ракурс для восприятия автобиографических текстов Канетти и Набокова, кроме того возникает своеобразный опыт стиливого сближения Канетти и Набокова, проявляющийся в особом характере пародийности [8].

Отправным моментом, позволяющим включить Канетти и русского-советского писателя А.П. Платонова (Климентова) в единую систему координат, является эпоха, повлиявшая на их мировосприятие: Октябрьская революция 1917 года и сталинизм – для Платонова, распад Австро-Венгерской империи и диктатура Гитлера – для Канетти, а также две мировые войны. Оба воспринимали современный мир «как царство обезличенности», их интересовали не бытовые проблемы, а проблемы бытия, поэтому оба обращались в своем творчестве к мифу [11]. Несмотря на то, что Канетти и Платонов принадлежат разным культурам, представляется достаточно продуктивной попытка сопоставления отдельных принципов их поэтики на материале наиболее значимых произведений - романов – «Ослепление» Канетти и «Чевенгур» Платонова, написанных 30-е годы. Оба художника руководствовались установкой выработать свой собственный стиль, «свой язык», частным проявлением которого является несобственно-прямая речь, создающая особый полифонизм. «Неправильность» платоновского языка, характеризующаяся различного рода отклонения от языковой нормы русского языка, и «акустические маски» у Канетти выступают маркерами их индивидуального стиля.

Естественно, что «русская перспектива» Канетти может быть расширена. Продуктивным представляется сам подход исследования русской и австрийской литературы через творчество одного из ярчайших представителей мировой литературы XX века – лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти.

Литература

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л.: Художественная литература, 1940. – 649 с.
2. Жеребин А.И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе. – СПб.: Миртъ; ИД СПбГУ, 2004. – 304 с.
3. Жеребин А.И. Абсолютная реальность («Молодая Вена» и русская литература). – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 160 с.
4. Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. – М., 1961. – 60 с.
5. Канетти Э. Человек нашего столетия. Пер. с нем. / Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Коммент. Р.Г. Каралашвили. istoriya-M.: Прогресс, 1990. – 474 с.
6. Михайлов А.В. Избранное: Феноменология австрийской культуры. – Москва, СПб: Изд-во «Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга», 2009. – 392 с.
7. Шастина Е.М. Рецепция русской литературы в творчестве Элиаса Канетти // Вестник ННГУ. – Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2014. – № 2(3) – С. 193-199.
8. Шастина Е.М. Э. Канетти и В. Набоков: поэтика пародийности // Филологические науки.

- Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 8. – С.210-212.
9. Шастина Е.М. «Берлинский текст» В.В. Набокова и Э. Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 6. – Ч. 1. – С.206-209.
 10. Шастина Е.М. Элиас Канетти: штрихи к портрету Исаака Бабеля // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. – Москва: Книжники; изд-во «Литературный музей», 2016. – С. 565-586.
 11. Шастина Е.М. Э. Канетти и А.П. Платонов: опыт «стилевого сближения» // Научный диалог. – 2016. – № 3 (51). – С. 158-169.
 12. Canetti E. Das Augenspiel. Lebensgeschichte (1931-1937), Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. 1994, 306 S.
 13. Canetti E. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte (1921-1931), Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. 1996, 348 S.

УДК 81.44

Д.Б. Шебзухова

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ АДЪЮНКТОВ В МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ АТТРИБУТИВНЫХ КОМПЛЕКСАХ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа позиционного расположения адъюнктов в многокомпонентных атрибутивных комплексах в английском и русском языках. Рассмотрена смысловая связь между компонентами комплексов, их тема-рематическая наполненность, соотношенность синтаксического вектора адъюнктов и их семантики.

Ключевые слова: адъюнкт, атрибутивное словосочетание, позиция компонентов, порядок слов, синтагматика.

D.B. Shebzuhova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

THE WORD ORDER OF ADJUNCTS IN MULTI-ATTRIBUTIVE COMPLEXES

Abstract. The article presents the results of the analysis of adjuncts distribution in English and Russian multi-attributive complexes. Such factors as notional relationship between the components of complexes, their theme-rheme conditions, correlation of adjuncts syntactic vector and their semantics are examined.

Key words: adjunct, attributive phrase, position of components, word order, syntagmatics.

Позиционность компонентов многокомпонентных словосочетаний может определяться друг относительно друга на основе дистрибутивных отношений между ними с учетом взаимоотношений в языковом целом. Рассмотрению данного феномена посвящен широкий круг исследований с опорой на естественные и искусственные дискурсивные условия реализации разноуровневых языковых единиц на базе англоязычного [2, 4, 5, 7] и русскоязычного материала [3]. Препозитивная дистрибуция каждого из компонентов многокомпонентных атрибутивных комплексов (МАК) есть порядок его расположения относительно предшествующего и последующего элемента. Она определяется с учетом всех окружений, в которых данный компонент встречается. Однако в силу свободного лексико-семантического характера МАК исчислить все возможные употребления одного элемента относительно другого представляется проблематичным.

Порядок следования главной и зависимой частей МАК детерминирован заданной синтаксической структурой и частеречной принадлежностью входящих компонентов: финальное положение занимает ядро МАК, зависимые атрибуты стоят в препозиции к нему. В структурном отношении компоненты зависимой части функционально тождественны, что обуславливает способность изменения их позиции без того, чтобы вызвать нарушение грамматической организации.

Порядок следования компонентов, равно как и их количество, а, следовательно, и конструируемые дистрибутивные отношения между элементами МАК, связаны с содержанием высказывания. В английском языке порядок слов связан с выражением грамматических отношений и гораздо реже может быть использован в стилистических целях, он скорее фиксирует место